ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Многие из вас заметили, что иллюстрация, вынесенная на обложку, является, по сути, эпиграфом к главной теме номера. Нынешний выпуск открывает замечательная работа Е.К. Вахтер «Портрет художника Ционглинского Яна Францевича». Он хорошо известен и как замечательный живописец, и как талантливый педагог-новатор, воспитавший плеяду художников, ярко проявивших себя в России и в мире. Таким образом, важная и глубокая тема в искусстве — учитель и ученик — вновь становится центральной в нашем журнале. Мы благодарны авторам и убеждены, что читатели откроют здесь для себя много интересного.

В статьях наших авторов представлены мастера, внесшие выдающийся вклад в развитие того или иного направления в искусстве. Они передавали свои знания ученикам и сами у кого-то учились — так формировались линии преемственности творческой традиции. Но этим не исчерпывается тема. Есть и другие ее аспекты, которые открываются только при внимательном изучении биографии и творческой деятельности художника. Так, мастер может найти особый художественный прием, создать замечательные произведения и тем открыть новые, яркие пути в искусстве, по которым позднее пойдут сотни последователей, часто не менее талантливых. Всем известный пример связан с искусством античности, когда творчество великих мастеров через тысячелетие дало мощнейший импульс в эпоху Ренессанса. И если мы зайдем в любой класс художественной школы, училища, института, то на полках и в учебных композициях мы увидим слепки с греческих статуй и ренессансных классических скульптур. Заложенные в древности каноны живы и ныне: именно они, к примеру, вдохновили русского живописца В.Д. Поленова на создание обширного и уникального цикла «Призраки Эллады».

Это осевое течение, но есть и другие, не менее интересные, когда кто-то задает новый «аккорд», который, не затухая, будет звучать дальше и подхватываться другими художниками. В этом плане примечательно наследие К.-Ж. Верне, статья о котором опубликована в рубрике «Форум». В XVIII столетии пейзаж по своему значению заметно уступал исторической живописи и портрету. Сегодня же, посещая современные выставки, легко заметить, что он доминирует. Он стал лидером благодаря зрительским симпатиям; художники-пейзажисты получают высокие оценки и награды. Если вернуться к Верне, то именно он был одним из мастеров, привнесших в этот жанр необыкновенно много нового. Он настаивал на реалистичности изображения, уводя его от сочинительства и выдумки. Верне заложил основы того, что сейчас использует каждый пейзажист: работу на пленэре, стремление передать воздух, пространство, глубину, тонкие валеры цвета и выразительность композиции. Его полотна, посвященные, например, портам Франции,— это масштабные произведения, где пространство делится на две части: небо и кипучую припортовую жизнь на земле. Причем небо занимает, как правило, большую часть, и это не только красивый живописный прием, но и эмоциональная доминанта. Верне был не только живописцем, но и теоретиком, и его труды заложили основу особой

традиции в теории искусства — создания мастерами учебных пособий, которые помогли вступающим на путь молодым художникам во всём мире. Таким образом, понятие школы утрачивает привычный тип студии, где опытный педагог работает с учениками, а обретает поистине безграничный характер.

Одним из центров развития пейзажа чуть позже стала Дюссельдорфская академия художеств, чья история неразрывно связана с именами талантливых братьев Андреаса (1815–1910) и Освальда (1827–1905) Ахенбахов. Судьбы этих мастеров были тесно переплетены с Россией, а их полотна хранятся во многих наших музеях, служа источником вдохновения и образцом для обучения отечественных живописцев.

Мы можем смотреть на искусство как на комплекс произведений, музейных собраний и коллекций. Но можем воспринимать его и как процесс вечного становления и обновления. В этом движении сосуществуют мастера, ученики, школы и традиции, развитие которых бывает то спокойным и плавным, то бурным; они могут дробиться и вновь воссоединяться. И вся толща жизни — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем — пронизывается этими светящимися потоками, захватывая сердца и души людей. А для чего? Возможно, во имя того, о чем писал поэт и пророк Николай Гумилёв:

…Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
<…> Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Возможно, это шестое чувство как раз и необходимо сегодня, чтобы закончилась «фельетонная эпоха», как ее называл Герман Гессе, — или, точнее, в сегодняшних реалиях «эпоха фейков». И чтобы люди читали не о нефти и курсе валют, не о «светских новостях», а о поэзии и живописи, о расцвете таланта ученика того или иного Учителя, о Духе и Природе. Вот для чего великие художники тысячелетиями взращивают в человеке шестое чувство.

Михаил Шишин,
главный редактор